

УДК 81'373.45

В.А. Буряковская*

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

В статье анализируются схожие и различные черты русскоязычных и англоязычных коммуникативных практик. Выявляются тенденции их развития, носящие глобальный и национальный характер. Дисфемизация и эвфемизация дискурса демонстрируют противоположные тенденции русскоязычных и англоязычных коммуникативных практик соответственно.

Ключевые слова: коммуникативная практика, заимствования, словотворчество, политическая корректность, глобализация.

Одной из характерных черт современных русскоязычных коммуникативных практик является очень активное использование иноязычных вкраплений. Влиянию англоязычной и латинизации дискурса подвергаются разные виды общения, начиная от бытового дискурса и, соответственно, устного вида общения и заканчивая политическим и публицистическим дискурсом, включая письменную речь.

Однако было бы неверным отрицать наличие национально-культурной специфики у так называемых «глобальных» дискурсов. Как справедливо замечает Е.С. Гриценко, «в сфере внимания ученых находятся не только вопросы языковой экспансии и унификации, но и локальные языковые практики как форма присвоения глобального» [1, с. 87]. Изучение национально-культурной специфики «глобальных» дискурсов видится как изучение «интердискурсивной гибридной локализации глобального в новом социокультурном контексте» [1, с. 88]. Так, далее исследователь отмечает именно глобалистский характер английского языка в конструировании идентичности российской субкультуры велосипедистов: *вилли* (*wheelee*), *банник* (*bunny-hop jump*), *иксан* (*x-up*). Следует заметить, что, несмотря на большое количество английских заимствований из разных сфер жизнедеятельности человека, типичной чертой русскоязычного дискурса является «переделывание» иноязычных единиц – это может быть морфологическая перестройка языковой единицы *стритец* – езда на легком велосипеде по городским препятствиям (от англ. street), а также изменение стилистической окраски языковой единицы *тру* (от англ. true) – общий, широкий знак одобрения; *лайт*, *лайток* (от англ. light) – легкий, нетяжелый, нетрудный – о трюке, трассе – знак пренебрежения [1, с. 91].

Такую же тенденцию мы наблюдаем в другой субкультуре – западно ориентированной бизнес-среде, говорящей на жаргоне, состоящем из трансформированных английских терминов: *Баянист*, *бидуин* – 1) (от англ. buy, bid) участник рынка, активно проводящий скупку базового актива; 2) противоположность *оферисту*. *Матчить* (от англ. to match) – 1) см. *реконсайлить*; 2) сходиться, получаться, быть увязанным с

* © Буряковская В.А., 2014

Буряковская Валерия Анатольевна (vburyakovskaya@yandex.ru), кафедра английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, 400066, Российская Федерация, г. Волгоград, пр. Ленина, 27.

чем-либо. *Что-то не матчится?* [2]. Действительно, «номинативные процессы рубежа тысячелетий характеризуются обусловленными глобализацией интенсивными заимствованиями, которые носят ярко выраженный супранациональный характер. Объективно ведущая роль английского языка наряду с экономическими и политическими тенденциями обеспечена изменениями языковой ситуации в целом, с одной стороны, и поистине революционными преобразованиями в технологиях коммуникации, с другой стороны» [3, с. 164]. Данные примеры указывают на характерную коммуникативную практику русскоговорящих модифицировать заимствованные языковые единицы в соответствии со строем русского языка, зачастую изменяя их коннотацию или даже лексическое значение.

Другая черта, объединяющая как представителей современного бизнеса, так и представителей молодежной велокультуры, – это дисфемизация, выражающаяся в употреблении ненормативной лексики в качестве обычной коммуникативной практики. Намеренное искажение заимствованных единиц и изменение их стилистической окраски – отличительная черта современной русской языковой личности. К этим двум типам субкультур примыкает и определенная часть русскоязычного интернет-сообщества, которая также активно использует в общении подобные коммуникативные практики.

В связи с эмиграционными процессами и свободой передвижения наметились и процессы смешения языков или переключения кодов, под которым понимается «объединение в системе одного языка (наречия и т. п.) элементов, почерпнутых из разных языков (наречий)» [4, с. 434]. Переключение происходит, как правило, спонтанно. Этот феномен может проявляться как в устной, так и в письменной речи:

– **Фиш** свежайший, – уговаривает продавец, – малосольный **салмон**, к нам аж с Филадельфии ездют.

– А **джус** вон тот, **строберри**, – что, немецкий?

– Джус польский. А вот язык, очень рекомендую, шо-то исключительное.

– Та он в **аспике**?

– *Ну и то, што в аспике?! Шо, што в аспике?! Мы сами его дома с удовольствием кушаем* [5, с. 387].

Таким образом, гибридизация языков затронула не только эмигрантскую среду, но и многие сферы современной жизни, начиная от молодежной субкультуры и заканчивая профессиональной средой. Типичные коммуникативные практики русскоговорящих основываются на нарушении нормы, активном словотворчестве, использовании ресурсов из внелитературной зоны языка.

Остановимся подробнее на англоязычных коммуникативных практиках.

Ноа Уэбстер полагал, что «американский английский будет так же отличаться от будущего языка Англии, как современный голландский, датский и шведский отличаются от немецкого языка» [6]. Этому предсказанию вряд ли суждено сбыться. Следует отметить, что ни США, ни Великобритания не проводят такой государственной языковой политики, которая хоть как-то могла нарушить языковую общность между двумя странами. Наоборот, несмотря на имеющиеся незначительные различия между британским и американским вариантами английского языка, продукты киноиндустрии и современной литературы способствуют «языковому могуществу» английского языка не только в этих странах, но и за их пределами.

Языковая политика в Великобритании и США во многом основывается на политкорректности и, как следствие, эвфемизации дискурса и коммуникативных практик. Последние «нововведения» в речевую культуру англоговорящих связаны с уменьшением лексикона. Речь, в частности, идет о попытках нью-йоркского министерства образования исключить из лексикона школьников около 50 слов, например: *dinosaur, home swimming-pool, unemployment, poverty, slavery, divorce, dance* [7]. Такие начинания

американских чиновников продиктованы идеей политкорректности, однако опасность обеднения словарного запаса молодых американцев существует.

Другой пример связан с легализацией однополых браков в Великобритании – на законодательном уровне предпринимается попытка убрать из всех официальных документов следующие языковые единицы: *husband, wife, mother, father, brother, sister*. *Husband* и *wife* предлагается заменить на *spouse, partner*, в то время как остальным языковым единицам замена пока не найдена. Возможно, Великобритания следует примеру Скандинавских стран, которые выбрали номинации «родитель А» и «родитель Б». Происходит сознательное искоренение древнейшей лексики, обозначающей основополагающие понятия человеческой жизни, что, по нашему мнению, скорее свидетельствует о регрессе, нежели о прогрессе общества.

По сравнению с русскоязычными, англоязычные коммуникативные практики тяготеют к употреблению эвфемизмов. Идеологическая правильность англоязычного дискурса связана прежде всего со следующими темами: расовая / этническая принадлежность, половая принадлежность, сексуальная ориентация, возраст, инвалидность, профессиональная деятельность. Непосредственно языковые проявления политкорректности выражаются в следующих языковых явлениях:

1) отказе от употребления «гендерно-специфических» местоимений *she, he*; их замене на местоимения множественного числа;

2) замене слов, содержащих в том или ином виде указание на расовую принадлежность, принадлежность к сексменьшинствам и т. п. на нейтральные синонимы (*housewife* → *housemaker, house spouse, parent, caregiver*; *actress* → *actor, performer*; *brotherhood* → *community, unity*; *policeman* → *police officer*) [8, с. 81];

3) исключении из речи традиционных терминов родства (*father, mother, son, daughter*), а также слова *man*;

4) изменении порядка слов в клишированных словосочетаниях (*men and women* → *women and men*; *sons and daughters* → *daughters and sons*) [8, с. 84];

5) исключении из речи слов, которые, возможно, могут ранить чувства бедных, темнокожих и т. п. (*N-word* – *Negro*; *E-word* – *elite*) [9];

6) замене медицинских, политических, экономических терминов (*heroin* – *vitamin C*; *E-word* – *electoral*; *D-word* – *deficit*) [9];

7) замене ненормативной лексики (*h-word* – *hell*; *d-word* – *damn*) [9];

8) изменении названий малопrestiжных профессий (*cobbler* → *shoe-rebuilder (сапожник)*; *bouncer* → *entertainment coordinator (вышибала)*) [10].

Вслед за Е.В. Марининой считаем, что политкорректность в таком виде близка к цензуре. Ограничение языкового выражения является типичной чертой англоязычных дискурсивных практик в противовес русскоязычным, приветствующим неограниченную языковую свободу, которая нередко приводит к заметным нарушениям нормы.

В 1995 году принц Чарльз назвал американский английский «очень сильно испорченным». Он сказал: «Американцы изобретают всевозможные существительные и глаголы и создают слова, которых быть не должно» [11]. Например, М. Энгел указывает на следующие изменения в британском варианте под воздействием американизации:

Лексика:

to wait on – ожидать (брит. англ. to wait for); **a half hour** – полчаса (брит. англ. half an hour); **my bad** – моя ошибка, моя вина (брит. англ. my fault)

Орфография:

color (амер.) – colour (брит.); **program** (амер.) – programme (брит.)

Грамматика:

She already did it (амер.) – She has already done it (брит.)

СМС-письмо:

@ **HM. CU L8TR?** – At home. See you later? – Я дома. Ну что, позже увидимся?

Y. WEN? – Yes. When? – Да, а во сколько?

@7. TA4N. CU – At 7 o'clock. That's all for now. See you [11].

Приведенные примеры из области смс-переписки свидетельствуют о тенденции повседневной коммуникации к упрощению, кодифицированности и символизму. Умберто Эко отмечает, что мобильный телефон радикально изменил наш образ жизни. «Вобрав в себя функции электронной записной книжки и небольшого компьютера с доступом в Интернет, мобильник все меньше напоминает средство устного общения и все больше трансформируется в инструмент письма и чтения. В этом качестве он стал универсальным средством записи...» [12]. Широко распространены аббревиатуры, которые могут транслитерироваться на русский язык **OTON** (*on the other hand*); **ROFL** (*rolling on the floor laughing*).

Использование удобных для письменной речи знаков становится предпочтительнее, нежели использование длинных полнозначных слов. Тем не менее объяснение данного явления только с помощью закона экономии усилий кажется недостаточным. Это действительно коммуникативная практика, которая носит глобальный характер. Высокая семиотичность и ребусность, свойственные для такого рода высказываний, относят нас к идеографическому и словесно-слоговому типам письменности, характерным, как известно, древнейшим обществам.

Распространенные фразы в твиттере также способствуют развитию данной тенденции: например, выражение **I have a thing 4** используется для обозначения того, что нравится: *I have a thing for good music, I have a thing for girls with long hair and sexy lips, I have a thing for educated MEN; I have a thing for motorbikes and fast cars*. Высока частотность употребления следующих фраз: **I Do it 2** (I do it too); **don't be shocked** (Don't be shocked); **I hate quotes** (I hate quotes); **I'm so high** (I'm so high); **Let's Be Clear** (Let's be clear). Техницизм напрямую оказал влияние на появление новых редуцированных форм общения, носящих глобальный характер. Как справедливо отмечает Е.И. Литневская, «...письменный вариант разговорной речи представляет собой не попытку как можно точнее зафиксировать устную разговорную речь, а особую семиотическую систему, использующую возможности материального носителя текста и разрабатывающую особый код для передачи невербальной информации или для необходимой в условиях on-line коммуникации компрессии вербальной информации» [13, с. 79]. Таким образом, новая гибридная форма коммуникации, носящая глобальный характер, свидетельствует о тенденции к аграмматизму и конденсации содержания в минимуме вербальных знаков.

Глобализирующие тенденции можно отметить в рекламном дискурсе, поскольку, помимо воспроизведения переводной рекламы, отечественная реклама создается во многом на западных образцах. Например, автомобильная реклама ярко демонстрирует эту мысль: *Ford Focus III. Pushing the boundaries of what a vehicle can do / Больше, чем автомобиль; Shift your expectations / Превосходя ожидания; Innovations that excite / Наслаждаясь инновациями*.

Подведем итоги. Для русской лингвокультуры характерно словотворчество, модификация иноязычных слов с последующим изменением коннотации, намеренное отклонение от нормы. Как правило, использование в речи этих средств самовыражения свидетельствует в целом о снижении стилистического регистра и вульгаризации дискурса.

Англоязычные коммуникативные практики тяготеют к эвфемизации и диктуются разного рода политическими соображениями, в том числе связанными с попытками перекраивания традиционного общественного устройства.

«Глобальный» дискурс рекламы наряду со всевозможными видами электронного общения тяготеют к унификации. Коммуникативные практики глобального масштаба обусловлены прежде всего электронным общением, которое, несмотря на все его достоинства, способствует редуцированным формам коммуникации.

Библиографический список

1. Гриценко Е.С. Глобальное и локальное в речевых практиках молодежных субкультур // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 87–93.
2. Погребняк Е. Словарь бизнес-сленга. URL: <http://www.slengari.ru/> (дата обращения: 23.07.2012).
3. Митягина В.А. Функционирование англицизмов в немецком языке в оппозиции DENGLISCH::GLOBISH и проблемы перевода // Коммуникативные практики речевой деятельности: сб. науч. ст. / отв. ред. Е.Ю. Ильинова. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. С. 164–172.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Советская Энциклопедия, 1969. 608 с.
5. Толстая Т. Надежда и опора. Сердца горестные заметы // День. М., 2010. С. 385–390.
6. Скапинкер М. Спасибо Америке за сохранение нашего языка = Thanks America for Preserving Our Language. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20130110/204432570.html> (дата обращения: 11.04.2013).
7. Динкевич М. Новые табу для школьников США: динозавр, бедность, день рождения. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=754593> (дата обращения: 15.09.2013).
8. Маринина Е.В. О некоторых тенденциях языковой политики США и Великобритании // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 78–86.
9. Максимова Т.В. Однобуквенные сокращения в современном английском языке // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы Межрегиональной научной конференции, г. Волгоград, 4 февраля 2009 г. / сост. В.П. Свиридонова, Н.Н. Остринская [и др.]. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2009. С. 525–531.
10. Глиос Е.С. Влияние фактора «престижности» и системы «имиджей» на формирование эвфемизмов в языковой системе англоязычного социума // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: матер. Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 8 февр. 2010 г. / ВолГУ, ВГПУ. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 145–151.
11. Энгел М. Американизмы: угроза самобытности английского языка? = Americanisms: a Threat to the British English? М. Энгел. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/learning_english/2011/07/110722_americanisms.shtml (дата обращения: 25.06.2011).
12. Эко У. От мобильника к истине // La Nacion Chile. 2005. 21 октября. URL: <http://www.inosmi.ru/panorama/20051021/223221.html> (дата обращения: 13.11.2012).
13. Литневская Е.И. Письменная разговорная речь: миф или реальность? // Вестник МГУ. Сер. 9 «Филология». 2011. № 5. С. 67–82.

References

1. Gritsenko E.S. Global and local in speech practices of youth subculture, *Vestnik MGU. Ser. 19. Linguistica I mezhkul'turnaya kommunikatsiia*. [Vestnik MGU. Ser. 19. Linguistics and intercultural communication], 2012, no. 2, p. 87–93. (in Russ.)
2. Pogrebnyak E. Dictionary of business-slang. Available at: <http://www.slengari.ru> (accessed: 23.07.2012).
3. Mityagina V.A. Functioning of anglicisms in the German language in opposition DENGLISCH::GLOBISH and problems of translation, *Kommunikativnye praktiki rechevoi deiatel'nosti: sb. nauch. st. [Communicative practices of speech activity: collection of scientific articles]*, E.Yu. Il'inova (ed). Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2013, p. 164–172. (in Russ.)
4. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. Ed. 2. M., Sovetskaia Entsiklopediia, 1969, 608 p. (in Russ.)
5. Tolstaya T. Hope and support. Heart sorrowful notes, *Day, M.*, 2010, p. 385–390. (in Russ.)
6. Skapinker M. Thanks America for Preserving Our Language. Available at: <http://www.inosmi.ru/world/20130110/204432570.html> (accessed: 11.04.2013).

7. Dinkevich M. New taboo for school pupils of the USA: dinosaur, poverty, birthday. Available at: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=754593> (accessed: 15.09.2013).

8. Marinina E.V. On some tendencies of language policy of the USA and Great Britain, *Vestnik MGU. Ser. 19. Lingvistika I mezhkul'turnaya kommunikatsiia*. [Vestnik MGU. Ser. 19. Linguistics and intercultural communication], 2012, no. 2, p. 78–86. (in Russ.)

9. Maksimova T.V. Single letter acronyms in modern English language, *Kommunikativnye aspekty sovremennoi lingvistiki i lingvodidaktiki: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, g. Volgograd, 4 fevralia 2009 g.* [Communicative aspects of modern linguistics and linguodidactics: Proceedings of trans-regional scientific conference, Volgograd, 4 February 2009, V.P. Sviridonova, N.N. Ostrinskaya [et al.] (ed), Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2009, P. 525–531. (in Russ.)

10. Glios E.S. Influence of factor of «prestige value» and system of «images» on formation of euphemisms in the language system of English-speaking society, *Kommunikativnye aspekty sovremennoi lingvistiki i lingvodidaktiki: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoi konferentsii, g. Volgograd, 4 fevralia 2009 g.* [Communicative aspects of modern linguistics and linguodidactics: Materials of International scientific conference, Volgograd, 8 February, 2010], VolGU, VGPU, Volgograd, VolGU, 2010, p. 145–151. (in Russ.)

11. Engel M. Americanisms: a Threat to the British English? Available at: http://www.bbc.co.uk/russian/learning_english/2011/07/110722_americanisms.shtml (accessed: 25.06.2011).

12. Eco U. From mobile phone to truth. La Nacion Chile. 2005. 21 October. Available at: <http://www.inosmi.ru/panorama/20051021/223221.html> (accessed: 13.11.2012).

13. Litnievskaya E.I. Written spoken language: myth or reality?, *MGU. Ser. 9 «Filologiya»*, 2011, no. 5, p. 67–82. (in Russ.)

V.A. Buryakovskaya*

NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICITY OF MODERN COMMUNICATIVE PRACTICES (ON THE MATERIALS OF RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)

In the article similar and different features of Russian and English communicative practices are analyzed. Tendencies of their development in global and national aspects are considered. Using dysphemisms and euphemisms in the discourse demonstrate opposing tendencies of Russian and English communicative practices accordingly.

Key words: communicative practice, borrowed words, word creation, political correctness, globalization.

* Buryakovskaya Valeria Anatolievna (vburyakovskaya@yandex.ru), the Dept. of English Philology, Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, 400066, Russian Federation.